заменить его смерть собою». «Что велишь: убить или жизнь ему даровать?» — спрашивает Ирода воин. Ирод приказывает убить ребенка. Воин исполняет приказ. Рыдающую Рахиль утешает хор: «Не плачь, Рахиле, видя чадо не живе. . .» Воин прогоняет Рахиль. Ирода томит предчувствие смерти. Он приказывает воинам встать у порога и на впускать к нему Смерть. Хор предвозвещает Ироду грозящую ему участь. Является Смерть: «Что ты, Ироде несытый, почто сие болтаешь, меня убити своим воинам повелеваешь! Я в помощь призову своего брата из пропасти ада. Будешь, будешь знать, как убивать неповинные чада!» Смерть зовет Чорта. Входит Чорт и, узнав в чем дело, советует Смерти, сестре своей, поднять косу и ударить Ироду «во главу». При виде Смерти Ирод обнаруживает заносчивость и величается своею славою, богатством и силою. «Безумне!», говорит Смерть Ироду. Всего свита я сильнее нахожуся и от начала века никому не поклонюся. . » Она напоминает Ироду, что ей подвластны все «парие и князие», берет косу и поражает ею Ирода. Чорт подходит к убитому Ироду и уносит его. Хор проклинает Ирода.[1]

Как видим, сюжет драмы «Царь Ирод» буквально соответствует вертепному сценарию: одни и те же сцены, одна и та же последовательность в их чередовании.

Исключение представляет только сцена поклонения пастухов новорожденному Христу; во всех известных нам вариантах драмы о царе Ироде она отсутствует; ее не было, повидимому, и в архетипном тексте драмы: то, что сравнительно легко можно было изобразить при помощи кукол на специально приспособленной для этого вертепной сцене, могло представить целый ряд серьезных затруднений при исполнении этой же сцены живыми актерами. В архетипном тексте драма о царе Ироде, вероятнее всего, начиналась сценой прихода к Ироду волхвов; утраченная большинством вариантов драмы сцена эта сохранилась в варианте А. Смирнитского, правда, без эпизода поклонения волхвов Христу, эпизода, который, повидимому, выпал по тем же причинам, по которым не вошла в состав драмы сцена поклонения Христу пастухов. В херсонских вариантах драмы В. Ястребова и А. Смирнитского промежуток времени между приказанием Ирода об избиении вифлеемских младенцев и возвращением воина заполнен песней хора, в которой рассказывается о бегстве Иосифа и Марии в Египет; отсутствующая в Галагановском вертепе, эта песня известна вертепу Славутинскому.[2] О теснейшей связи драмы о царе Ироде именно с вертепным сценарием рождественской мистерии в особенности наглядно свидетельствует сцена с Рахилью. Отметим, что во всех пока известных школьных драмах рождественского цикла Рахиль никогда не появляется; в «Комедии на рождество христово» Дмитрия Ростовского вертепной сцене с Рахилью соответствует песня хора и аллегорический «Плач и рыдание о убиенных отрочат подобием плачевной Рахили»;[3] в анонимном «Действии на р. х.» — плач «Дщери

[1] См. Є. Марковський. Український вертеп. У Київі, 1929, стр. 40—61.
[2] См. Є. Марковський. Ibid., стр. 145—146, 152—153.
[3] В. І. Резанов. Драма Українська. IV. Шкільні дійства різдвяного циклу. У Київі, 1927, стр. 128—132.